

Столица белой эмиграции Париж, пыльный Константинополь, бесконечно далекий Харбин, наконец, Белград, София, Вена и Берлин. Эти города стали убежищами для многих тысяч покинувших метавшееся в революционной горячке Отечество.

И действительно, не в инопланетные же Американские Штаты ехать было почитавшим себя истинными европейцами русским дворянам. Французский русский элита впитывала с раннего детства, позже овладела "бессмертным" языком Шиллера и Гёте, что же касается английского, то он считался третьестепенным наречием, предназначенным ну разве что для скитающихся по всему свету моряков. Да и к тому же, долго ли протянут большевики, и потому стоит ли селиться в эдакой дали от рубежей не сегодня, так завтра одумавшейся Родины. Однако время шло, власть большевиков становилась прочнее, все пьянее от крови своих сыновей делалась Россия и добренькая "баден-баденская" тетушка-Европа с каждым истраченным франком все больше напоминала злобную мачеху. Но и в самые первые месяцы революции, когда еще не докатилась до берегов Нового Света героиня сегодняшней статьи - Вторая белоэмигрантская волна, несколько сотен ее представителей уже обживались на американской земле.

Впрочем, этим счастливым (кавычек не ставлю, ведь горечь иммиграции познается в сравнении с константинопольскими клопами и харбинскими барахолками) даже и обживаться не пришлось. Накануне Октябрьской революции в США обитала достаточно большая колония русских дипломатов и членов их семей плюс многочисленный штат Комиссии по военным закупкам, имевшей своих представителей на американских оборонных заводах, а также изрядное количество журналистов, актеров, студентов.... Этих застрявших за океаном россиян набралось чуть более тысячи и им, не пожелавшим вернуться в Советскую Россию в 1918 году были выданы виды на постоянное место жительства - эквивалент современной "грин-карты".

Поначалу точно так же, как и в соседних странах "дружественной" Европы, власти США к жертвам красного террора отнеслись с пониманием. В 1920 году с подачи конгресса была учреждена "Американская ассоциация помощи Лиги Наций". Основной задачей этой организации с ничего не значащим названием, являлась доставка в США белоэмигрантов из Одессы и Константинополя. И действительно, всего лишь за три года своего существования ассоциация обеспечила переезд и размещение в стране 5 тысячам 40 русским беженцам. Эта цифра могла оказаться значительно большей, но, увы, в самом начале двадцатых плыть в Америку соглашались лишь законченные фантазеры. Слова "фантазер" и "инженер" в ту пору были чуть ли не синонимами, наверное, именно этим объясняется непропорционально высокий процент представителей технической элиты среди русских американцев послереволюционного заезда.

Забегая вперед отметим, что в незадолго до Второй мировой войны вышедшем сборнике "Кто есть кто в США" аж

"НЕ ПАДАЙТЕ ДУХОМ, ПОРУЧИК ГОЛИЦИН..."

200(!) эмигрантов россиян, при этом абсолютное их большинство - ученые и инженеры. Для перечисления их фамилий и заслуг перед американской наукой в частности и перед мировым прогрессом вообще понадобилась бы отдельная статья. Приведу здесь лишь краткий список самых значимых имен. Инженер-судостроитель В.И.Юркевич (1885-1966) - конструктор крупнейшего лайнера XX века "Нормандия", инженер А.М.Тихвинский - конструктор американских подводных лодок, легендарный авиаконструктор И.Сикорский (1889-1972), вице-президент Национальной академии наук США - физик С.Корф (1906-1982), занимавший пост консультанта по науке президента Эйзенхауэра...

Только прогрямят на всю Америку имена наших славных соотечественников еще не скоро, не скоро освоятся они в заокеанском далеке. Выброшенные на чужой берег, словно на Луну, иммигранты тех лет отмечали, что уклад американской жизни хоть и не враждебен, но крайне чужд россиянину, да и вообще любому жителю Старого доброго Света. "Небоскребы, небоскребы - а я ма-

живой макет уже не существующей Империи.

Русская американская православная церковь, дворянские собрания и казацкие округа, русские гимназии и даже пажеский корпус, доживут вплоть до наших с вами семидесятых годов. И как в самом начале не заладилось у "второволновых" дворян с первой "трудоной", точно так же в самом конце не выйдет у них контактов с четвертой "брайтон-бичевской"...

Однако вернемся в раннее послереволюционное, а точнее, в май 1921 года. В

росы, евреи, карпаторусы Галиции, а также латыши, литовцы и эстонцы. Но, тем не менее, по данным все той же переписи представители второй волны в 89 процентах отмечали свое православие, а родным языком называли русский.

В принципе, справедливо считать, что вторая волна основную массу российских переселенцев занесла в Америку до конца двадцатых годов, хотя вплоть до самой войны будут прибывать в Новый Свет не прижившиеся в Европе белоэмигранты и чудом вырвавшиеся из-за

ленький такой...". И если эти серые громадины давили на психику москвича начала восьмидесятых, то попытайтесь представить себе, какие ощущения они вызывали у петербуржца конца десятых. Но едут, причем с каждым следующим послереволюционным годом все больше и больше. В отличие от послевоенной Европы, работы в Америке пока

что хватает, и при этом не только для инженеров. Едут и неплохо устраиваются на новом месте жительства "нижние чины". Так, в мае 1920 года, почти что в полном составе прибывает в Бостон экспедиционный корпус генерала Лохвицкого - мыкающий горе во Франции, куда был он направлен в 1916 году на подмогу Французской Республике. В тот же год в Лос-Анджелес на пароходе "Меррит" были доставлены целый год доживавшиеся оказии (на Филиппинах!) восемь сотен дальневосточных "белоказов" и членов их семей.

Простой русский люд второй иммигрантской волны достаточно скоро находил свое место в новом житье-бытье. Как ни парадоксально, но немаловажную роль в такой успешной "абсорбции" играла именно не дворянская "приземленность" вновь прибывших россиян. Вчерашние крестьяне и мастеровые легко и гармонично вливались в общины своих предшественников - представителей первой "трудоной" иммигрантской волны середины и конца девятнадцатого века. Аристократам и интеллигентам приходилось куда как труднее. Двери местного протестантского "бомонда" были для них закрыты наглухо, и именно поэтому им еще предстоит создать

том нехорошем мае американская внутренняя политика практически в одиночку сделала крайне неблагоприятной для русской иммиграции. Случилось это после принятия президентом У.Гардингом драконовского закона, резко ограничивающего въезд в США уроженцев целого ряда европейских стран. В соответствии с этим законом (применяемом в основном к выходцам из славянских и православных государств Европы), для иммигрантов устанавливались "процентные квоты".

Например, в 1922 году из попавших в "черный список" стран въехать в США было позволено лишь трем процентам от численности иммигрантов данной национальности, поселившимся в Соединенных Штатах до 1910 года. Однако уже в следующем, 1923 году - только двум процентам, да и то от общей численности земляков, приехавших в страну до 1890 года. В соответствии с этим суровым декретом в 1922 году в Америку допустили 24 тысяч 405 русских, а в 1923-м - всего 2 тыс. 248.

Многие американские законодатели позже объясняли в своих мемуарах, что испугались "революционной заразы", точно так же (примечание автора), как в конце тридцатых они убоятся "нацистской" заразы, отправив на погибель в Третий Рейх транспорт с немецкими евреями, чудом вырвавшимся из гитлеровских когтей. Бог им судья...

И все же с 1917 до 1922 год включительно в США, по данным тогдашней переписи населения, переселились 36 тысяч 896 русских - по тем временам, громадная община. В этом месте следует отметить, что "Гарвардская энциклопедия американских этнических групп" в статье "Русские" указывает, что оным являются великоросы, белорусы, мало-

"железного занавеса" невозвращенцы. Основными шестью городами "русской Америки" станут Сан-Франциско - 4,2 тыс., Нью-Йорк и Сиэтл - в обоих по 2,5 тыс., Чикаго - 2 тыс., Бостон и Филадельфия - в каждом менее тысячи. На мой взгляд, при общем числе иммиграции чуть менее 37 тысяч, приведенные цифры представляются несколько заниженными, впрочем, легко объяснимыми истинной нашей скрытностью "стреляных воробьев".

Рассказывая о второй "революционной" волне русской иммиграции, было бы упущением не вспомнить о другом переселенческом феномене той поры. Приливы обычно чередуются отливами, и одна такая, с вашего позволения, "отливная" волна приключилась в истории русской Америки. Истосковавшись по родной сторонке, переселенцы конца девятнадцатого века и их дети, воспитанные на лубочных сказках о России-Матушке, решили отправиться туда, где "земля - крестьянам, фабрики - рабочим, а мир - народам". Между 1921 и 1935 годами в Россию из стран Нового Света (США, Канада, Латинская Америка) возвратились 2 тысячи 689 крестьян, желающих заниматься сельским хозяйством, 3 тыс. 246 рабочих и 1 тыс. 773 представителя прочих профессий. Трудно сказать, скольким из этих горькоромантиков удалось вернуться в Штаты, но боюсь, что очень немногим.

Впоследствии история повторится, но, как водится, не в виде трагедии, а в жанре фарса советского документального фильма о возвращении на социалистическую Родину известного брайтон-бичевского композитора и исполнителя Анатолия Днепров (Гросса). Вслед за ним, но уже потихоньку, к кормушке пост-советского шоу-бизнеса потянутся и другие "звезды нашей иммиграции". Кто-то молчком, кто-то - громко кляня "тупых америкосов", не оценивших таланта... Но об этом значительно позже, в заключительной статье о нашей с вами "Четвертой, брайтон-бичевской", в следующем же номере речь пойдет о весьма неоднородной, полной разрывающих ее противоречий третьей "послевоенной" волне.